

Посвящаю памяти отца,
писателя Явдата Ильясова
(1929–1982)

ВВЕДЕНИЕ

Если и я решил писать о предмете, который многие уже разрабатывали до меня, то я вовсе не заслуживаю порицания... И если я буду в состоянии прибавить даже немногое к сказанному ими, то это должно считаться достаточным оправданием нашего начинания.

Страбон. География

Материальная и духовная культура кочевых племен, населявших территорию Великого степного пояса Евразии, издавна привлекает внимание во всем мире. Отрывочные сведения скучных письменных источников о суровых обычаях и выдающихся победах воинственных номадов, наполненное необычайной экспрессией и причудливыми образами яркое искусство, случающиеся иногда открытия неграбленых курганов, поражающих воображение богатством и варварской роскошью погребального инвентаря, удивительные судьбы племен, достигавших в своем бурном движении из глубин Азии Геркулесовых столпов и Северной Африки, — эти и многие другие аспекты истории кочевников интересуют и волнуют как ученых, так и широкие круги любителей истории и искусства.

На территории Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Киргизстан) в области археологии номадов сделано пока не так уж много так называемых «сенсационных» находок, которые можно было бы поставить в один ряд с вызывающими неизменный ажиотаж открытиями, наподобие Пазырыкских курганов на Алтае, кургана Аржан 2 в Туве, кургана Иссык в Южном Казахстане, курганов Восточного Казахстана,

некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане или скифских и сарматских курганов в России и на Украине. Тем не менее особая роль Средней Азии в сложных процессах взаимодействия кочевников с оседлыми государствами Азии и Европы не вызывает сомнений. На протяжении тысячелетий именно это взаимодействие кочевых и оседлых культур определяло специфику развития среднеазиатского региона, своеобразие его исторических судеб.

Полагая, что сокровища среднеазиатских номадов еще ждут своих счастливых открывателей, автор хотел бы обратиться к находкам, на чей-то взгляд, быть может, не столь эффектным, как драгоценные пекторали и гривны, браслеты и расшитые золотом одеяния, но чрезвычайно важным для изучения очень многих сторон древней культуры региона. Речь идет о широко известных в мировой науке орлатских костяных пластинах, найденных в одном из курганов в Самаркандской области Республики Узбекистан. Немногие из археологических находок, сделанных на территории нашей страны, могут сравниться с орлатскими пластинами по уровню информативности. Неслучайно количество работ, либо специально посвященных этим предметам, либо затрагивающих те или иные аспекты заключенной в них информации, превысило четыре десятка, и новые публикации продолжают выходить. Более того, выразительные орлатские персонажи, можно сказать, зажили своей самостоятельной жизнью, украшая титульные листы и страницы различных научных сборников, даже тех, в которых орлатские пластины и не упоминаются вовсе, и служа образцами для монументальных скульптур и изящных ювелирных изделий.

Учитывая непреходящий интерес к этим находкам, главной задачей своей книги автор, имеющий счастливую возможность работать с пластинами, считает как можно более подробную публикацию всех доступных данных о пластинах, дабы в распоряжении специалистов были наиболее полные материалы для дальнейших исследований.

Многие положения данной работы были изложены нами в различных по объему статьях и тезисах, в том числе в двух

исследованиях, опубликованных на английском языке. Тем не менее для более полного изложения своих взглядов и учета различных новых данных автор счел целесообразной публикацию этой книги и надеется, что она сможет вызвать интерес как у специалистов, так и у любителей древнего искусства и культуры среднеазиатского региона

При изучении орлатских пластин возникают четыре основных вопроса:

- 1) Каково назначение пластин?
- 2) Какова датировка пластин?
- 3) Где и кем они изготовлены?
- 4) Какова этническая принадлежность персонажей?

Свой взгляд на эти проблемы и ответы на эти вопросы автор излагает ниже.

Прежде чем перейти к основному содержанию книги, хотелось бы выразить глубокую благодарность людям и организациям, без дружеской поддержки и внимания которых были бы невозможны сбор материалов и подготовка данного издания. Прежде всего, выражаю благодарность покойной Галине Анатольевне Пугаченковой, принявшей меня с 1 ноября 1983 г. на работу в Сектор истории искусств и архитектуры Института искусствознания им. Хамзы, которым она заведовала. Дирекция Института и покойный академик Э. В. Ртвеладзе, возглавлявший Сектор/Отдел истории искусств в 1985–2022 гг., неизменно предоставляли мне возможность подолгу отсутствовать на работе по причинам длительных научных стажировок.

Покойному академику Б. А. Литвинскому автор благодарен за неоценимые советы по библиографии вопроса, плодотворные дискуссии и внимание к его штудиям относительно орлатских пластин; канд. ист. наук В. П. Никонорову (Санкт-Петербург), д-ру искусствоведения Т. К. Мкртычеву (Москва), канд. ист. наук С. Б. Болелову (Москва), проф. Кацуми Танабе (Prof. Dr. Katsumi Tanabe, Tokyo), д-ру Сёрену Штарку (Dr. Sören Stark, Halle/New York), г-ну Гюнтеру Дарцису (Günter Darcis, Linden-Museum Stuttgart), канд. ист. наук А. Н. Горину – за помочь в розыске российской и зарубежной научной литературы.

Покойному проф. Кюдзо Като (Prof. Dr. Kato Kyuzo, Tokyo), покойному проф. Такаясу Хигучи (Prof. Dr. Higuchi Takayasu, Nara), покойному проф. Фуминори Сугая (Prof. Dr. Sugaya Fuminori), а также руководству Университета Сока (Soka University, Hachioji, Tokyo), Научному центру по изучению Шелкового пути в г. Нара, Япония (Research Center for Silk Roadology, Nara, Japan) и правительству префектуры Нара я благодарен за возможность стажироваться и работать в научных учреждениях, музеях и библиотеках Японии в 1990, 1994, 1995–1996, 2008 гг.

Г-на Кензо Кавасаки (Kenzo Kawasaki, Tokyo) я благодарю за помощь в поиске и переводе на русский язык японской научной литературы.

Фонду Александра фон Гумбольдта, Германия (Alexander von Humboldt-Stiftung, Bonn), руководству Linden-Muzeuma в г. Штутгарт (Linden-Museum Stuttgart), Восточному семинару Тюбингенского университета (Orientalisches Seminar, Eberhard-Karls Universität, Tübingen), Евразийскому отделу Германского археологического института (Deutsches archaeologisches Institut, Eurasien-Abteilung, Berlin), Институту ориенталистики Бамбергского университета (Otto-Friedrich-Universität, Bamberg), покойному проф. Хайнцу Гаубе (Prof. Dr. Heinz Gaube, Tübingen/Berlin), покойному проф. Йоханнесу Кальтеру (Prof. Dr. Johannes Kalter, Stuttgart), д-ру Маргарете Павалой (Dr. Margaretha Pavaloi, Heidelberg), д-ру Лутцу Илишу (Dr. Lutz Ilisch, Tübingen), проф. Герману Парцингеру (Prof. Dr. Hermann Parzinger, Berlin), проф. Марте Берньюс-Тейлор (Prof. Dr. Marthe Bernus-Taylor, Paris), проф. Францу Грэнэ (Prof. Dr. Frantz Grenet, Paris), проф. Лоренцу Корну (Prof. Dr. Lorenz Korn, Bamberg) выражаю глубокую благодарность за возможность стажироваться и работать в научных учреждениях, музеях и библиотеках Германии и Франции в 2000–2003, 2008, 2009–10, 2012–2013, 2015–2016, 2017, 2021 гг.

Моему другу Д. В. Русанову я выражаю благодарность за совместную работу на раскопках Орлатского могильника и сотрудничество в написании некоторых предыдущих работ, а также за иллюстрации к ним, использованные и в данной книге.

Проф. Осмунда Бопеараччи (Prof. Dr. Osmund Bopearachchi, Paris/Berkeley) и г-на Франсуа Ори (François Ory, Paris) я благодарю за возможность использования замечательных прорисовок орлатских изображений. Г-н Петер Шлегель (Peter Schlegel, Stuttgart) сделал интересные графические реконструкции облика орлатских всадников. За великолепного качества фотографии, использованные в книге, благодарю А. В. Аракеляна и А. М. Шепелина; часть снимков принадлежит автору.

Д-р Т. К. Мкртычев любезно взял на себя труд по научному редактированию текста.

Программу имени Кляхандлера по изучению Центральной Азии (Еврейский Университет, Иерусалим) я благодарю за финансовую поддержку издания книги.

И, конечно же, огромную благодарность за долготерпение и неизменную вдохновляющую поддержку выражают супруге и коллеге Саиде Равильевне Ильясовой.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ НАХОДКИ И ИЗУЧЕНИЯ ОРАЛТСКИХ ПЛАСТИН

До сих пор стоит тот курган в пустыне.
Орлы над ним парят, горячие ветры его овевают,
и стебли травы на вершине поют неумолчно
песню о прошлом и будущем.

Явдат Ильясов. Тропа гнева

Орлатские пластины были найдены осенью 1981 г., во время исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ) Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры Узбекской ССР¹ под руководством Г. А. Пугаченковой курганныго могильника в Кошрабадском районе Самаркандской области². Могильник расположен на всхолмлениях (адырах), возвышающихся на правом (западном) берегу реки Саганак (Сайнак). Адыры с курганными полями тянутся вдоль реки, на восточном, низменном берегу которой находится крупное городище Кургантепа. В первоначальных публикациях использовалось обозначение Кургантепинский могильник, позже он получил название по близлежащему к городищу кишлаку Орлат (Арлат)³.

¹ Ныне Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан.

² Основной публикацией об археологических исследованиях УзИскЭ в данном регионе является монография Г. А. Пугаченковой «Древности Мианкаля» [Пугаченкова 1989]. Об исследованиях этих территорий экспедициями Института археологии АН Республики Узбекистан см.: Ростовцев, Вафаев, Иваницкий 1983; Иваницкий, Иневаткина 1988.

³ Название кишлака происходит от наименования одного из узбекских племен, заселивших данную местность при Шейбани-хане в начале XVI в.

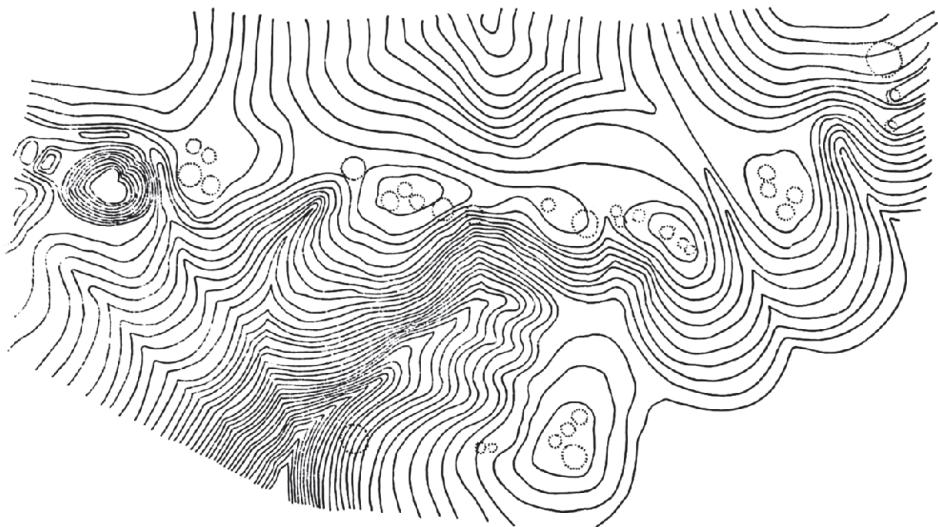

Рис. 5. Орлатский могильник.
Инструментальная съемка И. П. Луньковой

Данная местность располагается примерно в 50 км к северо-западу от Самарканда (рис. 1 и 2 на вкл.) и представляет собой неширокую долину, образованную поймой текущей в юго-западном направлении реки Саганак. С северо-запада и юго-востока долина ограничена адырами (рис. 3 на вкл.). В северо-западном и северном направлении холмы, постепенно повышаясь, переходят в предгорья горных хребтов Каракчитау, Актау и Нурагтау, ограничивающих долину Зерафшана с севера.

Курганные поля находятся примерно в полукилометре от русла Саганака, занимая в основном гребни холмов, выходящих к реке (рис. 3, 5). Курганы с высотой насыпи от полуметра до 4–5 м и диаметром от 6–7 до 20 м расположены отдельными группами вокруг так называемого Карапултепа — насыпного холма высотой до 20 м. Его называли «царским курганом». К большому сожалению, сравнительно недавно (в период между августом 2005 и сентябрем 2007 г.) он был уничтожен и разграблен в результате неконтролируемых раскопок. В некоторых случаях курганные группы окружены незначительной высоты насыпными земляными валиками, определявшими,

по-видимому, границы отдельных погребальных участков. Погребальное поле, располагавшееся вокруг Караултепа, занимает пространство размером 1500×400 м; кроме него, выявлено еще три курганных поля размерами примерно 450×430 м, 550×350 м и 900×500 м. На двух последних «отмечены впадины ямных захоронений» [Пугаченкова 1989, 122].

Основным объектом раскопок УзИскЭ было городище Кургантепа (рис. 3, 4 на вкл.), поэтому с 1981 по 1987 г. было раскопано всего лишь 10 курганов с подбойными и катакомбными погребальными сооружениями [Пугаченкова, Карасёв, Савчук 1983; Пугаченкова 1984; 1985; Ильясов 1985; Пугаченкова 1989; Ильясов 1990].

Наибольшее внимание специалистов привлекли находки из кургана № 2 с парным погребением, где среди погребального инвентаря были найдены пять костяных пластин с гравированными изображениями. Раскопки кургана № 2 осуществил В. А. Карасёв, краткий рукописный отчет которого хранится в архиве Института искусствознания [Карасёв 1981]⁴.

По-видимому, самой первой публикацией, в которой упоминаются орлатские пластины, является заметка «Тайны древних курганов» в газете «Правда Востока» от 15 октября 1981 г. [Каримов 1981], сделанная в форме интервью с автором находки В. Карасёвым. Как это часто бывает с газетными публикациями, сделанными «по свежим следам» открытия, данная статья страдает неточностями. О пластинах в ней сказано, в частности, что они сделаны из слоновой кости.

Гораздо более компетентный комментарий Г. А. Пугаченковой, Э. В. Ртвеладзе и антрополога Т. К. Ходжаева⁵ представлен в другой публикации под названием «Кургантепа раскрывает тайны», вышедшей в газете «Комсомолец Узбекистана» от 17 декабря 1981 г. [Юлдашев 1981]. В данном интервью Э. В. Ртвеладзе впервые обращает внимание на ряд важных деталей,

⁴ Отчет представляет собой 9 страниц машинописного текста. Некоторые данные из него использованы нами в данной работе.

⁵ Так фамилия известного антрополога Т. К. Ходжайова дана в этой публикации.

в частности на сходство персонажей, изображенных на пластинах, с портретами правителей на монетах Гиркода, а также отмечает манеру подвязывать хвосты лошадей (хотя в данном случае правильнее говорить не о подвязывании, а о помещении хвостов в специальный чехол, см. гл. VIII).

Первые научные публикации орлатских пластин осуществила Г. А. Пугаченкова. В информации, опубликованной в 1984 г. в сборнике «Археологические открытия 1982 года» (находки сделаны, напомним, в 1981 г.), ею дана краткая, но емкая характеристика: «Напротив Кургантепа раскопаны два ограбленных кургана, содержащих могилы с дромосами и подпрямоугольными камерами. <...> Интерес представляют две большие и три малые костяные пластины с чрезвычайно экспрессивными гравированными изображениями (сражение, охота, поединок, схватка двух верблюдов, гриф). Участники этих сцен принадлежат к какой-то особой этнической группе. Их панцирный доспех и шлемы напоминают скульптуру Халчаяна, а в изображениях мчащихся животных видится влияние скифского звериного стиля. Изображения на пластинах позволяют датировать их временем не позднее рубежа нашей эры, скорее всего, I в. до н. э.» [Пугаченкова 1984, 481–482]. Здесь была помещена прорисовка малой пластины со сценой схватки верблюдов.

В последующих работах Г. А. Пугаченкова опубликовала подробное описание и анализ изображений, а также их прорисовки, выполненные сотрудником Института искусствознания художником А. И. Исламовым [Пугаченкова 1987; 1989; 1989a; Pougachenkova 1988]. Она датировала Орлатские курганы II в. до н. э. — I в. н. э., а пластины отнесла ко II—I вв. до н. э. [Пугаченкова 1987, 62; Пугаченкова 1989a, 104]. Ее публикации стали на многие годы основным источником информации по раскопкам кургана № 2 и находкам из него.

В дальнейшем пластины из Орлата, вызвавшие большой интерес в научном мире, рассматривались в целом ряде публикаций; в некоторых из них были высказаны сомнения относительно предложенной Г. А. Пугаченковой интерпретации.

Первым специалистом, вступившим в полемику с Г. А. Пугаченковой относительно их датировки, стал Б. И. Маршак (Гос. Эрмитаж). В обобщающей статье, посвященной искусству Согда, он высказал мнение о том, что пластины датируются III–IV вв. н. э. [Маршак 1987, 235–236]. Взгляды Б. И. Маршака на датировку и культурно-историческую интерпретацию орлатских находок кратко изложены и в ряде последующих его публикаций [Маршак 1992, 208–211; Marshak, Raspopova 1992, 86–89; Marshak 1996, 430; Marshak 2000, 31, 33]. Суть их сводится к тому, что пластины нельзя считать образцами согдийского искусства, поскольку это произведения кочевников III–IV вв.; что касается интерпретации сюжетов, то данные изображения не следует рассматривать как иллюстрации к эпосу. Последнее по времени упоминание Б. И. Маршаком орлатских находок находим в посмертно изданной брошюре «Искусство Согда» [Маршак 2009, 10].

Германский исследователь Бурхардт Брентьес (Burhard Brentjes, Halle) был первым, кто после Г. А. Пугаченковой посвятил орлатским пластинам специальные публикации и способствовал знакомству западных ученых с этими находками [Brentjes 1989; 1990]. Он был склонен считать, что пластины датируются ок. 200 г. н. э. и являются «первыми изображениями центральноазиатских хуннов». Б. Брентьес обратил внимание на ряд интересных деталей в изображениях на пластинах, дополнив описания Г. А. Пугаченковой. Например, он первым отметил, что в сцене сражения воин в правом нижнем углу ранен стрелой в глаз, а хвосты коней покрыты чехлами. Данные о разнообразном оружии, представленном на орлатских пластинах, Б. Брентьес использовал также в своих обобщающих работах по вооружению степных народов [Brentjes 1993; 1996; 1997].

Б. А. Литвинский (Москва) впервые кратко упоминает орлатские пластины в 1989 г. в предисловии ко второму изданию книги Б. Г. Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» [Литвинский 1989]. Позже он уделил внимание этим находкам в ряде серьезных и интересных публикаций [Литвинский 2000; 2001; 2002; 2010; Litvinsky 2001; Литвинский, Пичикян 2000]. Его пристальный интерес

к орлатским пластинам был обусловлен, прежде всего, необходимостью интерпретации другой знаменитой находки — костяных пластин из Храма Окса (Тахт-и Сангин), привлекавшихся для сравнения с орлатскими уже в первых штудиях Г. А. Пугаченковой [Пугаченкова 1987]. Вероятно, под влиянием мнения К. Танабе о сасанидских корнях традиции изображения таких деталей конской сбруи, как «парящие» (или «летящие») кисти, Б. А. Литвинский в последние годы отстаивал поздний вариант датировки орлатских и тахтисангинских пластин — не ранее III в. н. э. Более подробный разбор его аргументации в пользу поздней даты будет приведен в последующих главах.

В своей статье, посвященной примерам сасанидского влияния на гандхарское искусство, Катсуми Танабе (Katsumi Tanabe, Tokyo) обратил внимание на такую деталь конского убранства, изображенную на орлатской пластине со сценой охоты, как «парящие» кисти [Tanabe 1990]. Он предположил, что здесь изображены сасанидские кисти, конструкция которых неправильно понята мастером-резчиком, и в таком случае пластины нельзя датировать временем ранее III в. н. э.

Мнение о том, что орлатские пластины были деталями пояса, высказал В. Н. Добжанский (Новосибирск) в работе 1990 г., посвященной наборным поясам кочевников Азии [Добжанский 1990, 28–29]. Он, судя по нашим данным, был первым, кто опубликовал правильную идею о назначении пластин⁶.

В научно-популярной книге, изданной в 1990 г. и посвященной древним городам Казахстана, К. М. Байпаков (Алматы) приводит прорисовки больших орлатских пластин как пример изображения кангюйцев «рубежа первых веков» [Байпаков 1990, 12–14]. В книге, написанной им в соавторстве с Е. А. Смагуловым и А. А. Ержигитовой и посвященной раннесредневековым некрополям Южного Казахстана, цитируются описания сцен сражения и охоты, опубликованные Г. А. Пугаченковой в 1987 г. [Байпаков, Смагулов, Ержигитова 2005, 154–155].

---

⁶ Выражаю благодарность профессору Маркусу Моде (Prof. Dr. Markus Mode, Halle, Germany) за ксерокопии соответствующих страниц из книги В. Н. Добжанского.

В красочном альбоме, изданном в 2011 г. и посвященном сокровищам древнего и средневекового Тараза и Джамбульского региона, также приводятся фотографии и информация об орлатских пластинах [Baipakov, Kapekova, Voyakin, Maryashev 2011, 122–125]. Сокращенный вариант альбома был переиздан в 2013, в нем пластины также упоминаются [Baipakov, Kapekova, Voyakin, Maryashev 2013, 54–55].

В двух каталогах, подготовленных к печати в 1989–1990 гг. и вышедших в Токио и в Москве в 1991 г., об орлатских пластинах писали автор данной книги и бывший сотрудник УзИскЭ архитектор Д. В. Русанов. Кажется, первыми из исследователей мы предложили тогда датировку пластин I–II вв. н. э., это мнение было опубликовано в московском издании (в токийском была дана более широкая датировка — I–III вв. н. э.). А также, независимо от В. Н. Добжанского, мнение которого стало нам известно только по ссылке в статье М. Моде, опубликованной в электронном варианте в 2004 г., нами была дана их интерпретация как деталей поясного набора (правда, с учетом характера публикаций, без развернутой аргументации) [Ильясов 1991, 1991а; Ильясов, Русанов 1991, 1991а]. Дальнейшая разработка этих положений, а именно: подробное обоснование датировки с учетом археологического контекста и сопроводительного инвентаря, а также анализ функционального назначения пластин, описание и интерпретация тех или иных деталей изображений — нашли отражение в ряде опубликованных позже работ [Ilyasov, Rusanov 1998; Ильясов 1999а; 1999б; 2001; 2001а; Ilyasov 2003; Ильясов 2005; Ilyasov 2012; Gruber, Ilyasov, Kaniuth 2012; Ильясов 2013; Ильясов, Каниут, Грубер 2013; Ильясов 2015; Ильясов 2021].

Большое внимание уделяет изучению пластин из Орлата К. Абдуллаев (Самарканд). В 1992 г. он впервые выступил со своим вариантом интерпретации назначения данных предметов и изображенных на них реалий. Подробно свои взгляды, изложенные в докладе «К вопросу о воинстве Средней Азии в эллинистическую эпоху» [Абдуллаев 1992], К. Абдуллаев опубликовал в двух статьях, вышедших на английском языке в сборнике, изданном в Италии в 1995 г. Одна из

них посвящена археологическим свидетельствам номадизма в Средней Азии II–I вв. до н. э., вторая — вооружению Бактрии [Abdullaev 1995; 1995a]. В них автор выступает сторонником раннего варианта датировки орлатских пластин (II–I вв. до н. э.) и видит в изображенных персонажах кочевников, участвовавших в крушении Греко-Бактрийского царства, или их ближайших потомков. В 1997 г. вышла совместная работа, представляющая сокращенный перевод статьи П. Бернара 1987 г. [Bernard 1987] с дополнениями К. Абдуллаева, посвященными в основном анализу орлатских изображений. В заключительной части этой работы он высказывает довольно парадоксальное (если учесть мнение П. Бернара об этнической принадлежности знаменитых халчаянских персонажей, которое, кажется, разделяет и К. Абдуллаев) предположение о том, что «носителями культуры Орлатского могильника» могли быть юэчжи [Бернар, Абдуллаев 1997]. В последующих публикациях К. Абдуллаев демонстрирует приверженность своим взглядам на культурно-историческую принадлежность орлатских пластин, иногда дополняя их некоторыми новыми и неожиданными наблюдениями [Абдуллаев 1998; 2005; 2012; Abdullaev 2007]. Многие из его прежних, а также новых выводов представляются нам довольно спорными. Их критику, так же, как и критику мнений некоторых других авторов по конкретным деталям изображений, мы приведем в соответствующих главах нашего исследования.

В статье о парадном конском убore из датированного I–II вв. н. э. сарматского кургана 10-го Кобяковского могильника, опубликованной в 1992 г., В. К. Гугуев (Ростов-на-Дону) привлекает изображение на большой орлатской пластине со сценой охоты [Гугуев 1992, 111, рис. 3: 13].

С поздним вариантом датировки орлатских пластин выступил в 1992 г. П. П. Азбелев (Санкт-Петербург). По его мнению, сравнительный анализ тепсейских и орлатских миниатюр показывает культурные связи степных народов предтуркского времени [Азбелев 1992, 211–214]. В 2010 г. он снова вернулся к теме орлатских изображений в своей работе, посвященной истории седельного декора. Здесь он уже не настаивает

на поздней датировке, о чем подробнее будет сказано в главе XI [Азбелев 2010].

В небольшой работе, вышедшей в 1992 г. и посвященной центральноазиатским и среднеазиатским традициям в искусстве Сарматии, орлатские материалы упоминает С. А. Яценко (Москва) [Яценко 1992, 79–80]. Позже он не раз обращался к этим данным, высказывая при этом весьма противоречивые взгляды на датировку орлатских пластин. Если в его сарматоведческих штудиях, одна из которых написана совместно с М. Ю. Трейстером, речь идет о первых веках н. э. [Treister, Yatsenko 1998, 64, 65; Яценко 2000а, 88, прим. 11, 90], то в работе, посвященной костюму Восточного Туркестана, фигурируют IV–V или V вв. [Яценко 2000, 361]. В последней работе, говоря о датировке, он ссылается на М. В. Горелика и П. П. Азбелева. Отметим, однако, что М. В. Горелик «уверенно датирует» пластины все же III–IV, а не IV–V вв., как написано у С. А. Яценко. Чем можно объяснить такой разброс дат в одновременно опубликованных работах и сложную эволюцию взглядов исследователя на датировку пластин, сказать трудно, но похоже, что в итоге он все же склонился к I–II вв. [Яценко 2006, 197].

Довольно схематичная прорисовка орлатской сцены сражения и краткое описание сюжетов дано С. А. Яценко в учебном пособии, изданном под эгидой Российского государственного гуманитарного университета [Ставиский, Яценко 2002, 181–182, рис. 5.10].

В связи с находкой в 2015 г. при раскопках поселения Кызылбулак-IV (ущелье Турген близ Алматы) костяной пластины с замечательной гравированной сценой С. А. Яценко вместе с соавторами вновь обратился к орлатским пластинам [Горячев, Яценко, Егорова 2016, 640–643, рис. 3: 2, 5, 5а, 7–9, 12, 18, рис. 4: 1]. Подробнее мы рассмотрим эту работу в других главах.

Заметим, что в двух ранних статьях он ссылается на нашу с Д. В. Русановым работу 1998 г., критикуя мнение о том, что на орлатской пластине изображена битва между кангюйцами и юэчжами [Яценко 2000б, 88, прим. 12; Yatsenko 2001, 104]. Дабы не создавалось ложного впечатления о том, что это

наша точка зрения, подчеркнем, что на указанной странице нашей статьи мы излагаем мнение Ю. А. Заднепровского, которое тут же и отвергаем [Заднепровский 1993, 60; ср.: Ilyasov, Rusanov 1998, 134]. К сожалению, несмотря на то что мы уже высказывали это уточнение по поводу критики С. А. Яценко [Ilyasov 2003, 278] и в своей монографии по костюму древней Евразии [Яценко 2006, 197], и в вышедшей через 10 лет статье об интереснейшей находке из Кызылбулака [Горячев, Яценко, Егорова 2016, 642], он снова приводит эту ошибочную трактовку орлатских изображений как битвы между кангюйцами и юэчжами, приписывая ее нам с Д. В. Русановым. Читателя, незнакомого с нашей статьей, это, конечно же, вводит в заблуждение.

Мнение о том, что орлатские пластины датируются III–IV вв. н. э. и изображают эфталитов, опубликовал М. В. Горелик (Москва). В качестве близких аналогий орлатским доспехам и мечам он привел вооружение всадников, изображенных на росписях «Пещеры художников» (V в.) в Кызыле (Восточный Туркестан) [Горелик 1993, 159, рис. 2; Он же 1995, 403–404]⁷. Нам это мнение представляется весьма спорным, что мы попытаемся показать ниже в соответствующей главе.

Ю. А. Заднепровский (Санкт-Петербург) в 1993 г. выступил с предположением, что на орлатской пластине воспроизведена битва между кангюйцами и юэчжами [Заднепровский 1993, 60], что представляется нам в корне неверным.

Анализируя сцены сражения и охоты на известном серебряном сосуде из Косики, к особенностям конского убранства на орлатских изображениях неоднократно обращался М. Ю. Трейстер (Bonn) [Трейстер 1994, 189, 190, 191; Treister 1997, 47, 61, 62, 68; Treister, Yatsenko 1998, 64, 65]. Ссылку на изображения орлатских горитов с двумя цилиндрическими отделениями

⁷ В первой из указанных работ [Горелик 1993] автор приводит иллюстрацию и данные о вооружении без всяких ссылок на предыдущие публикации кургантепинских (орлатских) пластин. В этой же статье в подпись к рис. 2, на котором помещены фрагменты орлатских изображений, вкраилась явная ошибка — они датированы здесь IV в. до н. э.

для стрел разной длины М. Ю. Трейстер приводит в объемной статье об оружии сарматского типа на Боспоре I–II вв. н. э. [Трейстер 2010: 525]. Замечу, что в нашей с Д. В. Рusanовым статье 1998 г. мы отмечали, что на рельфе Афения из Пантикане имеется горит, аналогичный по конструкции орлатским [Ilyasov, Rusanov 1998: 120, pl. XI: 3].

В статье о монетах Танлисмаидата, опубликованной в 1995 г., Э. В. Ртвеладзе упоминает и орлатские пластины. Он пишет, что использование плюмажей для украшения шлемов не характерно для кочевников и что только у одного воина в сцене битвы на шлеме имеется нечто типа плюмажа [Ртвеладзе 1995, 53]. Это утверждение не совсем верно: на двух пластинах изображено десять воинов в шлемах, и у восьми из них имеются плюмажи. И хотя мы указали на это несоответствие в 1998 г. [Ilyasov, Rusanov 1998, 116], данное утверждение сохранено и в переиздании работы Э. В. Ртвеладзе [Ртвеладзе 2002, 166].

В другой своей работе, в подписи к фотографии и прорисовке сцены сражения, Э. В. Ртвеладзе дал следующее толкование: «Сцена битвы саков и юечжей» [Ртвеладзе 1999а, 58].

В. П. Никоноров (Санкт-Петербург) в 1995 г. использовал орлатские изображения для краткой обобщающей характеристики вооружения античного Согда [Никоноров 1995, 10–13]. В дальнейшем он привлекает данные по пластинам для своих исследований вооружения, конского снаряжения и военной тактики среднеазиатских народов, а также европейских гуннов [Nikonorov 1997; Никоноров 2002, 22, рис. 1: 11; Он же 2002а, 281; Он же 2003, 265; Он же 2005, 158, 160, прим. 71, рис. 3: 4–6]. В 1999 г. в соавторстве с Ю. С. Худяковым (Новосибирск) В. П. Никоноров опубликовал специальную работу, посвященную изучению изображений воинов на орлатских пластинах [Никоноров, Худяков 1999]. В ней очень подробно и с большим знанием дела проанализирован комплекс вооружения орлатских воинов, в основном с привлечением южносибирских материалов. Авторы сближают орлатские изображения с тепсейскими и датируют пластины хунно-сарматским временем. По их мнению, воины с орлатских пластин относятся к восточно-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru